

⁴ Этот «хвеномен» постреформенной России заслуживает особого акцента и внимания. Он настолько выпукл, что хочется пристрастно исследовать его внутренне содержимое на предмет воплощения в нем, как говорили раньше, глубочайших внутренних противоречий как движущих сил *такого* духовного развития. К сожалению, даже первые параграфы книги «Анти-Дугинг» существуют пока еще только в набросках.

⁵ Основной принцип так называемого «экологически обоснованного устойчивого развития», сформулированный в 80-х гг. прошлого века, в идеологическом плане требует учета интересов еще не родившихся поколений людей при осуществлении экономической деятельности. Трудная усвояемость принципов «environmentally sustainable economical development», сформулированных и имплементированных в систему научных исследований за последние 30 лет, на мой взгляд, связана и с тем, что, помимо прочего, «социальная технология с человеческим лицом» при воплощении традиционных «образов будущего» остается пока что недостижимой. Равным образом, тяжкие поиски принципиально новых моделей развития мира до сих пор не увенчались успехом. (См., напр., доклад Коффи Аннана по поводу десятилетия реализации «Повестки дня на XXI век», принятой на известном саммите ООН в Рио-де-Жанейро, который опубликован на официальном сайте ООН в августе 2002 г. за номером E/CN.17/2002/PC.2/7).

⁶ Свою позицию по вопросу о смысле истории я постарался изложить в ряде публикаций, поэтому подробную аргументацию в пользу моего видения методологических оснований исследования социальной реальности в целях управления ее развитием я позволю себе здесь не приводить. (См., напр.: Баранец С.Н. Философский подход к проблеме смысла истории: субъективные заметки. // ВЕСТНИК РФО, 2002. № 2 (22). С. 52-56.)

⁷ Хочу обратить внимание, что это рассуждение об опасностях относится к сфере методологии и философских оснований человеческой деятельности в истории. Однако можно привести немало примеров того, как невнимание к этим, далеким от практики опасностям порождало реальные опасные ситуации в экономической и политической сферах организации жизни в прикаспийском регионе. Немало опасностей, с которыми сталкиваются люди, имеют своим источником разруху в голове, которая и есть не что иное, как отсутствие методологических и мировоззренческих ориентаций, принципов и идеалов.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

В.М. Адров
(Астрахань, Россия)

События последних десятилетий привели к существенным переменам в геополитике всего мира, и в зоне Прикаспия в частности. Распад Советского Союза и появление новых государственных образований, усиление нестабильности в среднеазиатском регионе, связанное с событиями в Афганистане, повышенный интерес транснациональных (прежде всего, американских) корпораций к разработке нефтяных и газовых месторождений вокруг Каспийского моря и ряд других событий предопределили особый интерес во всем мире к Каспийскому региону. Интерес, который заставляет активизировать внешнюю политику прикаспийских государств по отношению к статусу Каспийского моря, а также по вопросам стабилизации и обеспечения собственных интересов в этом районе мира.

Каспийский регион можно считать уникальным в том смысле, что здесь мы имеем практически полный набор явлений, характеристик, закономерностей, понятий, которые сложились в геополитической традиции. Его можно было бы рассматривать как своего рода учебную модель к изучению курса геополитики. Природа и человеческая история основательно потрудились над тем, чтобы представить в этом регионе иллюстрации ко всем основным геополитическим закономерностям и явлениям. Мы можем наблюдать здесь действие закона фундаментального дуализма и закона синтеза суши и моря, образцы береговой зоны (так называемой зоны Rimland), различных видов геополитических полей, особенно пограничного поля, перекрестного поля и метаполя, и, конечно, в этом регионе можно наглядно получить картину развития геополитического баланса сил.

Так как речь идет в данном случае о регионе, определяемом морем (под Каспийским регионом обычно понимается собственно Каспийское море и прилегающие к его берегам части суши пяти прикаспийских государств, либо даже некоторые из этих этих государств целиком), то целесообразно геополитический анализ этого региона начинать с рассмотрения взаимодействия суши и моря, военно-авторитарной и торговой цивилизаций, то есть с точки зрения проявления закона фундаментального дуализма.

Каспийское море, представляя собой значительное морское пространство, должно было способствовать развитию морской мощи, талассократии. И в этом своем качестве оно исторически привлекало различных «гостей» издалека, которые приносили ему свои имена – ни одно море в мире не имело такого количества названий. В то же время географическая замкнутость Каспийского моря, отсутствие выхода из него в Мировой океан привносили в историческое существование народов, населявших его берега, свои особенности, состоявшие в том, что сухопутное могущество, теллурократия, была все же более характерной чертой для их развития. По сути, все народы, страны и государства, имевшие выход к Каспийскому морю, можно рассматривать как исторические субъекты, тяготеющие к суше. Несмотря даже на то, что море, конечно же, влияло на преобладавший в них в те или иные эпохи способ хозяйствования (это особенно наглядно проявляется, если рассматривать влияние на жизнь прибрежных народов колебаний уровня Каспия), влияние это носило, скорее, пассивный характер (как значение некоторой природной константы). Не море, вероятно, определяло их геополитическое существование. На берегах Каспийского моря не было таких держав, которые можно было бы отнести к числу чисто «морских». Таким образом, извечный конфликт суши и моря, развивавшийся в соответствии с законом их синтеза, разрешался на Каспии не в пользу последнего. Та береговая зона *Rimland*, которая обычно выступает как нечто относительно самостоятельное, единое целое и как стимул к развитию прибрежных стран, на Каспии в своем законченном виде не складывалась. Отчасти в этом могло сыграть роль и то обстоятельство, что Каспий относится к числу водоемов, особо трудных для мореходства в силу своих физико-географических и климатических особенностей, состоящих, в частности, в высокой динамике рельефа дна, большого количества штормовых периодов в году, особом характере поверхностных волнений и т.д. Отсутствие единой береговой зоны, в свою очередь, могло сказаться, на наш взгляд, в упомянутом выше топонимическом разнообразии (большом количестве различных названий для одного морского водоема). С доминирующей теллурократической характеристикой прикаспийских государств корреспондируется и факт их тяготения отнюдь не к демократическим формам внутреннего устройства.

Россия как государство по историческим меркам достаточно поздно пришла на берега Каспия. Петр Великий приложил максимум усилий к тому, чтобы вывести Россию за пределы зоны *сухопутного могущества*, в которой она географически была обречена быть всегда, в сферу *могущества морского*. Однако размеры того сухопутного «острова» (или зоны *Hartland*, говоря в терминах геополитики), который занимает Россия, оказались чрезвычайно великими. Если сравнивать даже с традиционными и крупнейшими морскими державами, то российский «остров» настолько больше и туманного Альбиона, и даже американского континента, что процесс выхода России в число мировых морских держав затянулся на многие столетия и даже сейчас вряд ли может считаться законченным. И тем более процесс обретения Россией морской мощи на Каспии переживает сейчас сложные времена. Этому процессу с самого начала препятствовал ряд факторов географического и политического характера. Это и особенности строения волжской дельты, которые в течение столетий не только не стимулировали, но и существенно препятствовали развитию на Каспии мощного российского флота. К тому же на Каспии не существовало для России серьезной морской угрозы, как это было, например, на Черном море, что могло бы ускорить развитие здесь хотя бы военного флота России.

Для превращения страны в морскую державу по всем канонам геополитики необходимо не просто географическое освоение береговой зоны, а освоение именно

торговое, то есть развитие прибрежной торговли и торговой инфраструктуры, соответствующие социально-экономические трансформации и тому подобное. Но именно по этому параметру возможности России на Каспии по сравнению с прошлыми эпохами снизились в результате, в частности, существенных изменений, произошедших за это время в мировых транспортных схемах. И даже интенсивное формирование международного транспортного коридора «Север-Юг», возрождающее идею «хождения за три моря» русского купца Афанасия Никитина, проигрывает пока чисто экономически торговым маршрутам, проложенным, к примеру, через Суэцкий канал и другие транспортные направления. Но это как раз и означает, что, чтобы упомянутый выше коридор «Север-Юг» смог стать конкурентоспособным в системе мировых транспортных структур, надо развивать его всячески, и дело это выгодно не столько для Астраханской области, сколько для всей России, тем более что ее стратегическими союзниками в этом деле являются, безусловно, Иран и Индия.

Необходимость овладения *талассократией*, то есть морской мощью, на Каспии сегодня стоит не только, разумеется, перед Россией. В той или иной степени и по различным причинам к этому стремятся все каспийские государства. К каспийской морской мощи стремятся не только страны, непосредственно выходящие к каспийским берегам, но и расположенные достаточно далеко от каспийского бассейна. Этому способствует развитие средств транспорта и связи (в частности, та же информатизация, носящая транснациональный характер), которые имеют не только психологическое значение, когда «сокращаются расстояния», но и обеспечивают вполне осязаемое экономическое, техническое, да и просто физическое присутствие чужестранцев на каспийских берегах. В качестве таких «чужестранцев» выступают отнюдь не непосредственно сами далеко расположенные государства, но, прежде всего, транснациональные корпорации, которые и являются главными «моторами» глобализации. И овладение морской мощью на Каспии будет выражаться не обязательно в строительстве флотов, а, в первую очередь, как это утверждает геополитическая теория и практика, в развитии береговой торговли и формировании относительно самостоятельной *береговой зоны*, *Rimland*. Сначала это может быть торговля нефтью, которая добывается в каспийском регионе, а затем образуется и весь шлейф торгового оборота. И такое развитие событий пойдет на пользу странам Каспийского региона, стимулируя их участие в формировании этого пространства *береговой зоны*, которое, по мнению А. Дугина, есть «сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющую и на талассократию, и на теллуракратию»¹. На Каспии эта *береговая зона* может обрести достаточную самостоятельность именно в силу замкнутости Каспийского моря. Это может дать мощный импульс к развитию всех прикаспийских государств, так как в соответствии с геополитическим *законом синтеза суши и моря* влияние моря должно, в конечном итоге, преопределить более активное развитие взаимодействия каспийских государств на море, нежели на суше. По всем признакам все прикаспийские государства осознают сегодня свои интересы на Каспии. Вопрос для каждого из них состоит только в том, чтобы не «проморгать» свою нишу в этой будущей «политической экологии», обеспечить себе максимум выгод, не перессорившись с «соседями по морю». В последнем требовании, как нам кажется, заключается особенность нынешней геополитической ситуации на Каспии. Особую пикантность этой ситуации придает и то обстоятельство, что «прикаспийскими», хочется кому-либо этого или нет, придется считать не только «каспийскую пятерку», но и те далекие от этого моря страны, которые становятся все более полноправными игроками в дележе «каспийского пирога».

Наступление информационной эпохи², знаковым признаком которой является мощное развитие информационных сетей, начиная от служебных, корпоративных, региональных и вплоть до сетей типа Internet, объективно создает дополнительные предпосылки для развития *береговой зоны* на Каспии. Развитие информационных сетей интернационально и по их выстраиванию, и по их функционированию, и, значит, по своей природе должно содействовать возникновению относительно независимой от государственного влияния (с его особыми национальными интересами) *береговой зоны*. В этой связи уместно говорить о проблеме базового языка, лежащего в

основе процесса информатизации региона. Когда речь идет об информатизации вообще, то чаще всего в качестве базового языка совершенно справедливо называют английский (точнее говоря, так называемый American). Но в случае с Каспийским регионом можно рассчитывать и на то, что достойное место в нем может занять русский язык, учитывая многовековую историческую традицию его распространения в данном регионе с прежних времен. Тем более, что информатизация современного общества не сводится только к компьютеризации, но включает в себя самые различные системы связи. Замена в некоторых из каспийских стран кириллицы на латиницу в графике национальных языков независимо от причин, побудивших инициаторов этой замены пойти на такой шаг, объективно ведет к снижению возможностей использования русского языка в качестве базового в процессах информатизации региона. Россия, естественно, не может отменить или остановить определенные попытки вытеснения влияния русского языка в прикаспийских странах, однако и оставаться безразличной к этим явлениям она тоже не может. А сохранению Каспийского региона в качестве зоны русскоязычного влияния может способствовать много мер. Это и развитие системы образования, включая подготовку кадров для прикаспийских стран в российских учебных заведениях, и распространение российских средств массовой информации, и организация пропаганды русского языка и русской культуры в странах региона, и проведение различных конкурсов на знание русского языка, и развитие туризма в России для граждан прикаспийских государств, и многое другое. Конечно, это требует специальных средств, а главное – внимания. А практическая востребованность русского языка в регионе достаточно велика, если учесть, что даже враги России в нем зачастую общаются между собой по-русски.

В нынешнем положении из трех субъектов Российской Федерации, находящихся на берегах Каспийского моря, наиболее «морским» является Дагестан, который является существенным ресурсом России в укреплении ее положения на Каспии. Но учитывая устойчивый прогноз, вытекающий из того факта, что Дагестан является с точки зрения геополитических представлений типично пограничным полем, и состоящий в высокой вероятности обострения обстановки в обозримом будущем именно на территории Дагестана, надо считать приоритетной работу по усилению «выхода» России на Каспий через Астраханскую область. Что касается Калмыкии, то чисто географически у нее есть некоторое преимущество в том, что расстояние от береговой зоны до глубокой каспийской воды у нее значительно короче, чем в Астраханской области, однако там необходим очень большой объем работы по созданию необходимой инфраструктуры для придания ей сколько-нибудь заметного транспортного и торгового значения. А именно это, как мы отметили выше, является одним из главнейших условий для наращивания страной именно *морского могущества*.

Размышляя о геополитическом значении России в Каспийском регионе, необходимо иметь в виду, что он представляет для России типичное геополитическое *пограничное поле*, для которого характерна недостаточная демографическая, экономическая и политическая освоенность (в данном случае со стороны России). И, как чаще всего бывает в таких *пограничных полях*, данное пространство населено национальными меньшинствами (меньшинствами по отношению к основной национальной массе страны). Такое положение возникло, естественно, после распада СССР, и в настоящее время является предметом особой заботы государства, так как право России на подобные территории по всем канонам геополитики потенциально может ставиться под сомнение некоторыми политическими силами как вне страны, так и внутри нее, в том числе и в виде взаимных претензий соседних приграничных субъектов Федерации. Астраханцам такие примеры хорошо известны.

Кроме всего сказанного, вся Россия, в том числе и ее прикаспийская территория, может рассматриваться с точки зрения геополитики как *метаполе*, то есть как пространство, осваиваемое одновременно несколькими странами. Ситуация эта возникла с начала 1990-х годов в результате вступления России на путь либерального развития ее экономики, политической свободы, открытости миру, стимулирования и гарантии личной инициативы ее граждан и других составляющих демократического развития. Здесь необходимо учитывать исторически сложившееся уникальное положение Рос-

сии, при котором, имея колоссальные природные ресурсы, страна не в состоянии эффективно их осваивать (в первую очередь, по двум причинам: из-за невысокой плотности населения и на большей части ее территории и из-за крайне неэффективного способа производства, господствовавшего в стране в течение почти семидесяти лет). В условиях мировой глобализации, главными акторами которой являются транснациональные корпорации, последние создают тот внешний прессинг, который государственные границы остановить не могут. Традиционные для прежних эпох военные интервенции, возникавшие в подобных случаях, сегодня все чаще уступают место иным способам экспансии. В полном соответствии с законами информационной эпохи, подобно тому, как в производстве на смену веществу и энергии на первый план выдвигается информация, так и в политике, и в военном деле она определяет физиономию современной жизни. Информационная война становится едва ли не доминирующей формой современного милитаризма. Сущность ее можно выразить словами: «информационная война – это целенаправленное обучение врага тому, как снимать панцирь с самого себя»³. При этом участвовать в «освоении» этого *метаноля* России могут не только компании соседних стран. Как мы подчеркивали выше, расстояния в современных условиях не имеют принципиального значения, поэтому здесь мы можем чаще встретить европейские и американские транснациональные корпорации. Все это надо иметь в виду, но, естественно, не для того, чтобы пытаться остановить неизбежные мировые процессы, а для того, чтобы интенсивно искать способы существования России в этом новом, так неузнаваемо изменившемся и продолжающемся стремительно меняться мире.

Обсуждая геополитические процессы, необходимо иметь в виду, что как сами процессы, так и структуры, в них участвующие, представляют собой объекты, «привязанные» к пространству. Не случайно одним из центральных понятий геополитики является понятие *жизненного пространства*. Поэтому геополитику можно рассматривать в известной степени как политическую экологию, где есть свои политические ниши, сложные системы *баланса сил* и интересов, свои политические «симбиозы» и так далее. Думается, что экологические метафоры как нельзя более уместны для характеристики геополитических явлений и процессов. Но в этом случае уместно рассматривать эти процессы и явления не только в пространственном аспекте, но и во временном. Темпоральная экология, рассматривающая временную последовательность объектов и процессов, их длительность, одновременность (или невозможность таковой), причинно-следственную связь явлений, масштабы временных ниш и т.д., может быть спроецирована и на явления политической истории. И в этом аспекте опять же довольно наглядным примером может служить Каспийский регион. Последовательность сменяющих друг друга во времени государственных, этнических, политических, хозяйственных систем, существовавших на каспийских берегах, динамика их развития, длительность их существования, закономерности их сменяемости, типы сменяющих друг друга цивилизаций и их связь во времени – все это также является предметом рассмотрения современной науки. По аналогии с геополитикой это направление научного познания можно было бы называть *хронополитикой*. При этом очевидно, что пространственные, то есть геополитические, структуры закономерно определяют хронополитические, и наоборот. Взаимное превращение их совершенно неизбежно и имеет свои механизмы. Одним из них является система культуры и знаний, передающая от поколения к поколению весь комплекс политического, правового, этического, эстетического, научного и другого опыта. Эта культурная связь времен образует некую «соединительную ткань» между геополитикой и хронополитикой.

Нечто подобное происходит и в информационных процессах. Мы имеем в виду общий взгляд на информацию, как на меру разнообразия систем. При этом пространственное разнообразие, которое иногда называют «связанной» информацией, имеет тенденцию к превращению в разнообразие временное, то есть во временную последовательность сигналов, процессов и т.д. Яркий пример такому превращению – генетический код живого организма, представляющий собой некоторое пространственное разнообразие, «разворачивающийся» в последовательность фаз развития живого ор-

ганизма, а затем снова «сворачивающийся» в пространственную структуру. Можно высказать предположение, что такое взаимное превращение пространственных и временных разнообразий есть фундаментальный способ существования информации в природе.

Нетрудно видеть, что геополитические и хронополитические процессы представляют собой также пример информационных превращений, при которых механизмы пространственно-временных обращений разнообразий, составляющих их основу, представляют собой обычные («обычные» для повседневного нашего представления) процессы передачи информации, такие, как система образования, коммуникационные системы, язык, материальная и духовная культура и т.д. Геополитическое развитие любого региона планеты, включая и Каспийский регион, в качестве необходимого условия предполагает развитие подобных информационных систем.

¹ *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997. С. 23–24.

² *Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000.

³ *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. М., 2001. С. 15.